

К изучению Дворовой тетради 50-х гг. XVI в.

Несмотря на то, что научная публикация Дворовой тетради была осуществлена почти полвека назад,¹ до сих пор нет комплексного монографического исследования этого важнейшего источника по истории верхов господствующего класса середины XVI в. Нет полной ясности в вопросе о характере и назначении памятника. В литературе принято считать, что Дворовая тетрадь (далее — ДТ) является реальным, полным списком государева двора середины XVI в. Составленная в начале 50-х гг., она служила в качестве основного документа по учету состава двора на протяжении примерно 10 лет, вплоть до начала 1560-х гг.² Однако, как показали исследования Б.Н.Флори и В.Д.Назарова, ДТ является сложным памятником, который составлялся на основе разновременных документов и сохранял определенные архаичные черты своей структуры.³ Одно это обстоятельство заставляет настороженно и критически относиться к ДТ при анализе состава и структуры государева двора середины XVI в.

Пожалуй, центральной проблемой источниковедческого изучения ДТ является выделение первоначального текста (“ядра”) памятника. Без решения этого вопроса нельзя дать общей оценки документа, определить цели его составления. Исследования А.А.Зимины и других историков убедительно показали, что первоначальный текст ДТ был составлен в 1551/52 г., а в дальнейшем, на протяжении 50-х — начала 60-х гг. сюда вписывались новые имена.⁴ Проанализировав списки членов Думы, руководителей дворцового ведомства и дьяков в ДТ, А.А.Зимин пришел к выводу, что подавляющее большинство лиц, получивших эти чины после 1551/52 г. (времени составления первоначального “ядра” ДТ), записывались в конце соответствующих разделов ДТ.⁵ Но можно ли распространить это наблюдение на другие разделы ДТ, прежде всего — на основную массу дворовых, расписанных по “городам”? Сложность состоит в том, что сколько-нибудь подробных сведений биографического характера о большинстве “рядовых” дворовых собрать не удается. Кроме того, как указал А.А.Зимин, существовал и дру-

гой способ записи новых имен в первоначальный текст памятника — в начало и в середину соответствующих разделов. Поскольку текст ДТ дошел до нас в поздних списках, выделить в нем имена лиц, записанных после 1551/52 г., путем палеографического анализа невозможно. Выделение вновь записанных имен нельзя в полной мере осуществить и на основании помет. Б.Н.Флоря отметил неполноту передачи помет оригинала в дошедших до нас списках ДТ. Он же показал, что число помет о пожалованных в ДТ невелико по сравнению с количеством помет о выбытии из состава дворовых.⁶ Наиболее перспективным для решения проблемы представляется изучение самого порядка расположения имен внутри различных разделов ДТ и, в частности, анализ тех случаев, когда одно и то же лицо упоминается в разных местах памятника (в разных разделах или дважды в одном разделе). Подобные случаи не являются редкими в ДТ. Некоторые из них были обстоятельно прокомментированы В.Д.Назаровым.⁷

Изучение списков дворовых, расписанных по городам, со всей очевидностью обнаруживает, что имена этих лиц располагаются в соответствии с их знатностью, служебной активностью и стажем службы. В начале списков мы встречаем представителей наиболее родовитых, княжеских и боярских родов; эти лица наиболее часто упоминаются в разрядных книгах. В начальных местах поездных списков ДТ мы чаще всего встречаем имена “лучших слуг”, записанных в Тысячную книгу 1550 г. При этом сперва перечисляются имена тысячников 1-й и 2-й статей, а затем — тысячников 3-й статьи.⁸ В середине поездных списков ДТ значатся уже менее знатные и видные дворянские фамилии, значительно реже встречаем здесь имена тысячников и лиц, получавших персональные назначения из Разряда. В конце же поездных перечней мы вновь нередко можем встретить выходцев из видных “разрядных” родов (зачастую тех самых, которые значатся и в начале списков). Но здесь мы имеем дело уже с представителями более молодого поколения дворовых, которые в 50-х — начале 60-х гг. только начинали службу.⁹ Очевидно, эти лица были записаны в ДТ позже, уже после составления первоначального текста памятника в 1551/52 г. Сказанное свидетельствует в пользу того, что имена новых лиц записывались в конце поездных разделов ДТ. Но какая именно часть новых имен записывалась подобным образом?

Попытаемся на примере анализа списков дворовых по Можайску и Кашире более детально выделить имена новых лиц, записанных в конце соответствующих разделов ДТ. Для анализа состава дворовых по Можайску новые возможности дает произве-

денное нами ретроспективное изучение писцовой книги Можайского уезда 1626—1627 гг., в результате которого удалось выявить около 700 имен можайских землевладельцев 40-х гг. XVI в.¹⁰ Из них около 40 чел. мы встречаем и в ДТ среди дворовых детей боярских, записанных по Можайску.¹¹ Изучению состава дворовых по Кашире благоприятствует наличие в нашем распоряжении текста каширской десятины 1556 г., близкой по времени к ДТ.¹²

Из детей боярских можайчей можно с достаточной степенью вероятности выделить следующую группу лиц, которые были вписаны в конец перечня дворовых по Можайску после 1551/52 г. 25-м с конца здесь назван Т.И.Пухов Тетерин, который одновременно упоминается и по Суздалью с пометой “В Можайск”.¹³ Его запись по Суздалью была первоначальной, так как еще в 1550 г. он числился среди тысячников по этому городу. Кроме того, в ДТ по Суздалью он упомянут в уменьшительной форме — “Тимошка”, в то время как по Можайску он значится как “Тимофей”. Тетерины являлись, видимо, коренными суздальскими землевладельцами.¹⁴ Однако уже в 1540-х гг. Т.Тетерин владел поместьями в Можайском уезде.¹⁵ Это и способствовало его переходу из одной служилой корпорации в другую. Следующим по списку (24-м с конца) идет С.Д.Поливанов; выше, в середине списка можайских дворовых, его родственники Поливановы записаны целым семейством. Ниже (20-м по списку с конца) упоминается К.Ж.Зачесломский с пометой “В Галиче”. Он числится и в середине списка дворовых по Галичу; причем его службу по Галичу следует признать первоначальной, поскольку еще в 1550 г. он числился среди галичан-тысячников. Зачесломские являлись коренными галицкими вотчинниками. К.Ж.Зачесломский, видимо, недолго пробыл в составе можайской корпорации и затем вновь, судя по помете “В Галиче”, был переведен в состав галицких дворян. Далее по списку идут Ф.А.Голостенов (19-й с конца), Д.З. и Ж.З.Новосильцевы (18-й и 17-й с конца), которые также упомянуты и по Старице с пометами о переводе их на службу по Можайску. По тем же причинам оказался в конце списка можайских дворовых старичанин А.В.Валуев (7-й с конца). 17-м с конца упомянуто имя Б.Т.Монастырева; однако в начальной части списка можайских дворовых Монастыревы записаны целым семейством, в том числе упомянут и отец Б.Т.Монастырева — Т.В.Монастырев. 16-м по списку с конца идет А.Л.Брянцев. Он же значится и в начальной части списка можайских дворовых вместе с отцом и братом: “Леонтей Иванов сын Брянцов. Дети его Онъдреец да Дениско”. Запись в конце списка несомненно является вторичной, поскольку выше упомина-

нут также и старший представитель семьи Брянцевых. Ниже следует А.В.Колзаков, сын (?) упомянутого в ДТ дьяка В.Б.Колзакова. 14-м с конца идет М.Н.Радилов, человек, очевидно, молодой, так как его имя упоминается в уменьшительной форме “Иванец”. Выше Радиловы записаны целым семейством. Далее (13-м с конца) следует князь Г.И.Коркодинов. Это вторичная запись. Первоначально он был записан в текст ДТ под рубрикой “В Можайску литва дворовая” вместе со старшими братьями: “Князь Иван Иванов сын Коркодымова. Братья его Семен да Гриша”. Выехавшие из Литвы князья Коркодиновы действительно получили земли в Можайском уезде. Среди вотчинников уезда 1540-х гг. упоминается князь С.И.Коркодинов.¹⁶ Ниже (12-м, 11-м и 10-м с конца) следуют “Данило, да Матюшка, да Гриша Курдюковы дети Сумина” — люди, видимо, молодые; во всяком случае двое последних названы в уменьшительной форме. 9-м с конца следует “Иванец княж Иванов сын Мещерского”. Уменьшительная форма имени, а также то, что другие князья Мещерские упоминаются в начальной части списка, свидетельствует о позднем времени этой записи. Следующим по списку (8-й с конца) идет “Афоня Иванов сын Варганов”. А.И.Варганов Захарьин упоминается также и по Владимиру с пометой “Из Можайска”, т.е. служит из Можайска (по Можайску). Мы видим в ДТ аналогичные пометы — например, пометы “С Коширы”, стоящие над именами коломничей, переведенных в состав каширской корпорации. Уже в 1540-х гг. Афанасий Варганов сын Захарьин владел поместьем в Можайском уезде.¹⁷ Имена последних в списке шести человек значатся в уменьшительной форме, т.е. они были людьми молодыми и, по всей видимости, также записаны после составления первоначального текста ДТ. Из них “Федорец Богданов сын Логинов” упомянут с пометой: “67-го”, т.е., вероятнее всего, — “Новик 67-го года”. Самым последним в списке значится “Васка Иванов сын Протопопов”, хотя выше Протопоповы записаны целым семейством.

Таким образом, в конечной части раздела “Можайск”¹⁸ можно выделить не менее 25 имен, вписанных позднее в первоначальный текст ДТ. Это вполне согласуется с наблюдениями А.А.Зиминой, сделанными при анализе списков думных и приказных людей, о том, что имена новых лиц записывались прежде всего именно в конце соответствующих разделов ДТ. Подобным образом записана, очевидно, основная часть имен дворовых, пожалованных после 1551/52 г. Во всяком случае, числу выявленных нами имен, вписанных в конец раздела “Можайск” (несмотря на то, что данный круг очерчивается приблизительно, в целом, соответствует и ко-

личество имен можайских дворовых, над которыми стоят пометы о выбытии из состава корпорации: “умре”, “болен”, “губной староста”, “в полону”, “стар”, “у царицы”, “почернен”, о переводе в другие города — всего таких помет по публикации ДТ и Музейному списку также около 25.

По Кашире выделяется следующая группа имен, вписанных в конец раздела после 1551/52 г. 32-м по списку с конца упоминается Н.М.Яковцов. Он же одновременно числится и по Коломне. Его запись по Кашире следует считать вторичной, поскольку его имя упоминается в относящейся к несколько более позднему времени, чем первоначальный текст ДТ (1551/52 г.), каширской десятне 1556 г. (№30). Далее (31-й с конца) идет О.И.Исупов Яковцов. По всей видимости, он также был переведен после 1551/52 г. из Коломны в каширскую корпорацию и вписан в конец раздела “Кашира”. По Коломне упоминается его брат И.И.Исупов Яковлев, возле имени которого в Музейном списке стоит не совсем разборчивая запись: “Брат его навкош (на Кошире?)”.¹⁹ 30-м с конца следует А.Г.Колтовский. Запись, несомненно, поздняя, вторичная. Он же упомянут и в середине списка по Коломне вместе с братом, причем над его именем стоит помета “Коширенин”. Следующими по списку (29, 28 и 27-й с конца) идут А.Ф., Г.Ф. и О.Ф.Андреевы Павловы. Они же упоминаются и по Коломне с пометой: “На Кошире. Все почернены”. О том, что после 1551/52 г. они осели на Кашире, говорит упоминание их имен в каширской десятине 1556 г. (№31—33). Имя И.С.Мясного (26-й с конца) значит в уменьшительной форме “Иванец”, т.е. он был в момент записи в ДТ еще совсем молодым человеком. Он упоминается среди выборных по Кашире еще в 1577 и 1588/89 гг.²⁰ 25-м с конца следует П.С.Яковцов. Он же числится и среди дворовых по Коломне с пометой о переводе на службу по Кашире: “Коширенин. В подлинной почернен”. Молодым человеком был, очевидно, записанный в конечную часть списка каширян (24-й с конца) “Васка Федоров сын Палицын”. Далее (23-й и 22-й с конца) идут “Мамон Тюктев (в Музейном списке — “Тюкеев”) сын Лихарев. Сын его Петрок”. Мамон числится и в середине списка дворовых по Коломне с пометой “Кашира”. Он упоминается и в каширской десятне 1556 г. (под №46). Его сын Петрок значит в той же десятне (№372) как новик. 21-м с конца упоминается князь Н.С.Мешерский. Он, очевидно, был вписан в текст ДТ позже, так как выше, в начальной части списка каширян, князя Мешерские значатся целым семейством. 20-м с конца идет “Микита княж Иванов сын Борятинской”. Запись его имени несомненно поздняя. Выше, по Коломне

(в начальной части списка), он упоминается вместе с отцом в уменьшительной форме: “Князь Иван княж Иванов сын Борятинского. В Кошире. Сын его Митька”. Далее (19-й и 18-й с конца) числятся “Нелюб да Борис Тимофеевы дети Зачесломского” с пометой “В Галиче оба”. Они же упомянуты в ДТ и по Галичу в уменьшительной форме и вместе с другими братьями: “Нелюбей, да Бориско, да Андрей, да Иванец, да Сыдавной Тимофеевы дети Зачесломского”. Запись Нелюба и Бориса по Галичу являлась, очевидно, первоначальной, поскольку еще в 1550 г. они были включены в состав тысячников по Галичу. Зачесломские были коренными галицкими землевладельцами. Однако впоследствии они наделялись поместьями в других уездах. Упомянутые выше братья Нелюба и Бориса — Андрей, Иван и Сыдавной Тимофеевы дети Зачесломские — значатся среди прежних помещиков в вяземской писцовой книге 1594—1595 гг. (владели поместьями в уезде в конце 1550-х гг.).²¹ По поместьям они и были переведены на службу по Вязьме. В ДТ они упоминаются также и среди вяземских дворовых. Однако трудно было оторвать Зачесломских от их родного Галицкого уезда. Нелюб и Борис, судя по помете “В Галиче оба”, очевидно, вновь были переведены на службу по Галичу. В Каширской десятне 1556 г. мы уже не встречаем их имен. Подобный же случай второго перевода в Галич мы видели выше на примере можайского дворового Копотя Жукова сына Зачесломского. 17-м по списку с конца идет князь А.А.Мещерский. Выше, в начале списка, князь Мещерские записаны целым семейством, в том числе упомянут князь А.В.Мещерский — отец (?) А.А.Мещерского. Ниже (16-м с конца) следует В.Г.Есипов. Он же упоминается и в каширской десятне 1556 г., но не как дворовый сын боярский, а как городской (под №302). Таким образом, он был пожалован в состав дворовых и записан в ДТ уже после 1556 г. 15-м с конца упоминается князь Б.В.Мещерский, хотя представители рода значатся отдельной группой в начале списка. Далее (14-м с конца) идет князь П.И.Борятинский. Несомненно, он вписан в текст ДТ позже. В первоначальном тексте представитель этой видной дворянской фамилии должен быть записан в начало списка. Действительно, в начале перечня каширян ДТ (3-й) значится князь И.И.Борятинский. Князь П.И.Борятинский в момент написания его имени в ДТ, очевидно, был еще молодым человеком. Он упоминается также и в каширской десятне 1556 г., но здесь его имя стоит уже в начале (4-м по списку). Данное обстоятельство не позволяет нам принять предположение И.И.Смирнова о том, что каширская десятина 1556 г. являлась источником соответствующего раздела ДТ.²² Основной

текст ДТ был составлен ранее 1556 г., что служит косвенным подтверждением правильности датировки памятника, предложенной А.А.Зиминим. Ниже упоминаются М.Я.Коверин (13-й с конца) и И.И. Орех Коверин (12-й с конца). Оба числятся также и по Коломне с пометами о переводе в Каширу. Их имена встречаем в каширской десятне 1556 г. Далее идет А.А.Колтовский (11-й с конца). Он значится также и по Коломне с пометой “С Коширы”. Упоминается в десятне 1556 г. Другие представители Колтовских значатся в середине списка каширских дворовых. Далее следуют князья С.В. и Б.В.Мещерские (10-й и 9-й с конца). В начале списка представители рода князей Мещерских записаны целым семейством. 8, 7 и 6-м по счету с конца идут “Митька Васильев сын Ильина. Брат его Иванец да Ондреец”. Митька упоминается в ДТ и по Коломне вместе с отцом с пометой о переводе в Каширу: “Василий Семенов сын Ильина. Сын его Митька. На Кошире”. Запись по Коломне несомненно является первоначальной, а по Кашире — вторичной. Митька и Иван числятся в каширской десятне 1556 г. 5-м и 4-м с конца значатся “Гришка да Ромашко Ильины дети Степанова”. Запись их имен здесь несомненно поздняя. Выше, в середине списка каширских дворовых, упомянуты “Гриша да Романко Ильины дети Леонтьева Степанова” (те же самые лица ?), а также ряд других представителей фамилии Степановых. Все они записаны отдельно, целым семейством. 3-м по списку с конца идет И.Л.Писарев. Он же упоминается и по Коломне; Музейный список сохранил здесь над его именем помету: “На Кошире. В подлинной почернен”.²³ Упоминается в каширской десятке 1556 г. Наконец, последними в списке каширских дворовых значатся Н.Г. и Р.Г.Козловы. Они упоминаются и по Коломне с пометой “На Кошире оба”. Их имена встречаем и в каширской десятне 1556 г.

Таким образом, в конце списка дворовых по Кашире можно выделить не менее 32 имен лиц, которые были вписаны в первоначальный текст ДТ. Всего насчитывается около 20 помет о выбытии из состава каширской корпорации (“болен”, “умре”, “в полуно” и т.д.). Можно заметить, что пополнение состава каширских дворовых происходило несколько более интенсивно, чем дворовых по Можайску. Как видно из приведенного выше списка каширян, записанных в конец раздела после 1551/52 г., значительную часть из вновь пожалованных в каширскую корпорацию составляли лица, переведенные из Коломны. Коломенские дворовые переводились и в другие города (Тверь, Бежецкий Верх, Белую). Всего, судя по пометам в ДТ, примерно четвертая часть коломенских дворовых

была переведена на службу в различные города. Не было ли связано столь интенсивное сокращение состава коломенской корпорации со стремлением правительства освободить часть земель в близлежащем к столице Коломенском уезде для испомещения тысячников?

По примеру анализа списков дворовых по Можайску и Кашире, можно выделить также имена вновь записанных в конце перечней лиц и по большинству других городов. Следует отметить невозможность такого выделения лишь по Москве и Старице. В списках дворовых по Москве на предпоследней строке (в Музейном Списке — на последней) названы Казарин Юрьев сын Дубровский с сыном Романом. К.Ю.Дубровский числится в ДТ и в конце раздела “Диаки большие”. Его запись по Москве является первоначальной, относящейся к первоначальному тексту ДТ, поскольку начал он стал лишь к 1554 г.²⁴ Записи новых лиц мы не прослеживаем и по другим местам рубрики “Москва”. Об отсутствии пополнения группы дворовых по Москве в 50-х — начале 60-х гг. свидетельствует значительное сокращение в тот период ее состава. В росписи Полоцкого похода 1563 г. упомянуты только 28 дворовых “С Москвы”, в то время как в ДТ по Москве числится 155 имен дворовых. После 1563 г. сведения о существовании группы дворовых детей боярских, служивших по Москве, исчезают из источников. Правительство сознательно проводило мероприятия по расформированию состава особой московской служилой корпорации (детей боярских Московского уезда переводили в другие города и чины) с целью освобождения в Подмосковье земель для испомещения “лучших слуг” — тысячников.²⁵ Не могло происходить пополнения состава дворовых по Старице, которая находилась в то время в уделе князя Владимира Андреевича. Подавляющее большинство лиц, записанных под рубрикой “Старица”, значатся с пометами о переводе на службу в другие города. В конце перечня старицких дворовых содержится приписка: “Сего города, кроме дву Проньских (записанные в начале списка князя А.К. и В.К.Пронские. — А.Л.) почернены все”.

Наряду с записью в конце списков имена новых лиц в ряде случаев записывались и в начало, и в середину соответствующих разделов. Но подобные случаи являлись скорее исключением, чем правилом. А.А.Зимин отметил позднейшую запись в начало списка бояр имени князя И.Д.Бельского, хотя прочие лица, пожалованные боярским чином после 1551/52 г., вписывались в конец раздела.²⁶ Такое исключение для Бельского объясняется особой знатностью князя. Подобные исключения (запись выходцев из знат-

ных родов, вновь пожалованных в состав дворовых, не в конец, а в начало списков) характерны и для других разделов ДТ. Они делались для того, чтобы не нарушать резко общий порядок расположения имен по принципу родового и служебного старшинства, о чем мы говорили выше. Приведем несколько примеров. Список дворовых по Можайску открывает имя князя П.А.Холмского, служба которого в 1550-х гг. только начиналась. Впервые он упоминается в разрядах в 1558/59 г. — был послан из Москвы раздавать “золотые” воеводам.²⁷ Подобные поручения выполнялись обычно стольниками, как правило, молодыми людьми из знатных фамилий. Очевидно, по молодости лет князь П.А.Холмский не был зачислен в 1550 г. в состав тысячников. По всей видимости, имя князя П.А.Холмского было вписано в текст ДТ уже после 1551/52 г. Характерно, что после него (ниже по списку) значатся имена А.Г.Колычова, князя Ф.Г.Мещерского и др., служба которых прослеживается с 20—30-х гг. Список дворовых по Кашире открывают имена князей Ю.И. и В.И.Токмаковых Ноздроватых, которые упоминаются также и по Коломне с пометой “В Кошире”. Они значатся по Коломне и в Тысячной книге. Их запись по Кашире несомненно вторичная (сделана после составления первоначального текста ДТ). Подобным образом были вписаны в начало каширского списка и некоторые другие знатные и видные дворяне, переведенные на службу по Кашире из Коломны: князь И.И.Борятинский, Н.К.Голохвастов, князь М.М.Хворостинин, Г.З.Петров, В.Ф.Наумов. В середину списка каширян были записаны переведенные из Коломны А.Ф., З.Ф. и И.Ф.Щепотевы. Эти лица упоминаются в ДТ также и по Коломне с пометами о переводе на службу в Каширу, они значатся по Коломне среди тысячников. Имена новых лиц, записанных в начало списков, выявляются и по другим городам. Среди этих лиц встречаем представителей весьма знатных княжеско-боярских родов — князей Шуйских, князей Голицыных, Шерметевых и др. Выявление случаев позднейшей записи новых имен в начало поездных списков облегчается тем обстоятельством, что о представителях знатных и видных по службе родов мы имеем гораздо более полные сведения (данные разрядных книг и других источников), чем о рядовых дворянах.

Сказанное выше позволяет заключить, что в ДТ (подобно другим документам по учету личного состава дворянства, например — боярским и жилецким спискам) практиковалась запись имен новых лиц прежде всего в конце соответствующих разделов; реже, в качестве исключения новые имена записывались в начало списков. Однако проблема выделения первоначального текста ДТ не

может быть решена, если мы не дадим объяснения некоторым характерным особенностям памятника. Примечательной чертой документа является запись имен детей боярских целыми семействами. При этом часто рядом (на одной строке) с именем старшего представителя семьи записывались имена его сыновей, младших братьев, а иногда и племянников. Например, в списке Можайских дворовых значатся: “Григорей Григорьев сын Лошаков Колычов. Дети его Афонасей, да Василей, да Григорей, да Васька”, или: “Митька Истомир сын Монастырев. Брат его Петрок”. Число имен, упомянутых посредством фраз типа: “Дети его Федор да Сенка” или “Брат его Василей”, необычайно велико — составляет свыше четверти (28%) всех записанных в ДТ лиц. Являлись ли подобные записи имен младших родственников рядом со старшими позднейшими приписками, или же такая форма учета была характерна уже для первоначального текста ДТ? Есть все основания склониться в пользу последнего предположения. Действительно, в ряде случаев (всего их в ДТ около 10) одно и то же лицо в одном и том же разделе записано дважды — в первом случае вместе с отцом или старшим братом в начале списка, а в другом — отдельно, в конце списка. Один из таких случаев мы уже приводили выше: в начале списка дворовых по Можайску значатся “Леонтей Иванов сын Брянцов. Дети его Онъдреец да Дениско”; в конце же раздела Андрей Леонтьев сын Брянцов записан уже отдельно. Первая запись является первоначальной (относящейся к первоначальному тексту ДТ), поскольку здесь упомянут старший представитель семьи. Нередко в ДТ мы сталкиваемся с ситуацией (можно привести около 20 подобных примеров), когда одни и те же лица в списках по одним городам упоминаются вместе (записаны на одной строке) с отцами и старшими братьями, а по другим городам — отдельно (как правило, в конце перечней). Так, например, в середине списка дворовых по Переяславлю упомянуты “Андрей Облезов сын Лодыгин. Сын его Иван. Андрей отставлен. Иван в Дорогобуже”. И.А.Лодыгин значится и в списке по Дорогобужу, в самом конце перечня. Запись его по Переяславлю вместе с отцом является первоначальной, так как помета свидетельствует о его переводе из Переяславля в Дорогобуж. Среди тех, кто записан вместе с отцами и старшими братьями, встречаем имена тысячников 1550 г. (около 50 имен). Они, если не все, то в большинстве своем, очевидно, имели статус дворовых детей боярских и в 1551/52 г., в момент составления первоначального текста ДТ. То обстоятельство, что они упоминаются вместе с отцами и братьями, а не отдельно, также свидетельствует о том, что подобная форма запи-

си была характерна для самого “ядра” памятника. Наконец, под рубрикой “Воротынск” на одной строке с отцом и братьями упомянут Никита Григорьев сын Совин, убитый в 1552 г. при взятии Казани.²⁸ Мы получаем, таким образом, и прямое свидетельство того, что запись детей рядом с отцами и братьев с братьями практиковалась уже составителями первоначального текста ДТ. Представляет интерес то обстоятельство, что в ДТ рядом с отцами нередко записывались имена не только взрослых сыновей, но и несовершеннолетних, не достигших 15-летнего возраста. Так, под рубрикой “Медынь. Литва дворовая” читаем: “Иванец княж Семенов сын Чертенского. Дети его Петруша — 13 лет — да Васька — 11 лет”. Под рубрикой “Кашира” в начальной части списка значатся “Александр Степанов сын Лихарев. Дети его Мясоед да Моська. Новик 66-го году”. В каширской десятне 1556 г. А.С.Лихарев (отец) числится среди дворовых детей боярских (№6). Сын его Мясоед упомянут в той же десятне среди новиков. Имя младшего сына Моськи (Моисея) в десятне отсутствует. Видимо, к 1556 г. он еще не достиг новичного возраста. К нему и относится помета “Новик 66-го (1557/58) году”. Однако само имя Моисея (Моськи) Лихарева было записано в текст ДТ раньше, чем появилась помета “Новик 66-го году” — запись его со старшим братом Мясоедом составляет единый неразрывный текст: “Дети его Мясоед да Моська”. То что позднейшие пометы типа: “Новик 66-го года”, стоящие над именами записанных вместе со старшими членами семей сыновей и младших братьев, не обязательно свидетельствуют о поздней записи самих этих имен, можно подтвердить и другими примерами. Так, в начале раздела “Москва” записаны: “Юрьи, да Иван, да Афонасей Микитины дети Немытого Колычовы. Афонасей новик 66-го”. Запись Афанасия вместе с братьями относится к первоначальному “ядру” ДТ, поскольку здесь единый неразрывный текст. Позднейшей является лишь помета “Афонасей новик 66-го”.

Таким образом, запись детей (нередко несовершеннолетних) рядом с именами отцов и младших братьев рядом со старшими была характерна уже для первоначального текста (“ядра”) ДТ. Составители документа при этом стремились, видимо, максимально полно учесть наряду с именами собственно дворовых их близких родственников. Подобная форма учета служилых людей уникальна, она не характерна ни для Тысячной книги (в целом), ни для боярских списков и десятен.

Какими критериями руководствовались приказные при записи того или иного лица в текст ДТ, каковы были цели составления этого необычного документа? Сравнивая состав детей боярских,

записанных в ДТ под рубрикой “Кашира” с каширской десятной 1556 г., мы обнаруживаем, что все упомянутые в десятне дети боярские, имевшие чин “дворовых” (57 чел.), значатся и в ДТ, тогда как из 310 детей боярских “городового” чина в ней упомянут лишь один В.Г.Есипов; но это лицо, как мы видели, записано в текст ДТ явно позже (упоминается в конце списка каширян), и данный случай никак не может свидетельствовать о включении в ДТ непосредственно городских детей боярских. Однако если в первой половине XVI в. дворовые дети боярские являлись членами государева двора и выделялись из основной массы городских детей боярских, то в 1550-х гг. их статус существенно изменился — они превращаются в один из чинов рядового провинциального дворянства (наряду с “городовыми” детьми боярскими). Городовые дворянские корпорации при государевом дворе представляла уже теперь новая категория дворянства — выборные дворяне.²⁹ Все эти перемены произошли в результате проведения в жизнь Тысячной реформы, когда из состава прежнего сильно разросшегося и маломобильного двора для службы при царском дворе были отобраны лишь “лучшие слуги”. В их число попали далеко не все дворовые дети боярские, многие из них осели по городам и утратили связи с московским двором. Составители же ДТ стремились к учету именно всего наличного состава дворовых детей боярских. Такая форма учета состава двора в его традиционных рамках являлась в 50-х — начале 60-х гг. явным анахронизмом. Это обстоятельство не позволяет нам рассматривать ДТ как источник, отражающий состав реального двора 50-х — начала 60-х гг. XVI в. Кроме того, текст ДТ, как мы видели, фиксирует не только имена детей боярских собственно дворового чина, но и имена из сыновей и младших братьев, которые составляют значительную долю (свыше четверти) всех записанных в ДТ лиц. В большинстве своем эти лица (по возрасту и другим причинам) не входили в состав группы дворовых детей боярских. Среди них мы встречаем немало несовершеннолетних недорослей. Практика записи имен младших родственников рядом со старшими уже в первоначальном тексте ДТ свидетельствует о том, что составители документа ставили перед собой иные, более широкие задачи, чем учет наличного состава государева двора. Хотя по внешней форме ДТ во многом напоминает список членов государева двора (она перечисляет членов Боярской думы, дворцовые чины, дьяков, князей и дворовых детей боярских из разных городов, тщательно фиксируя при этом изменения в составе этих групп), по своему внутреннему содержанию это документ совершенно иного рода, содержащий

список гораздо более широкого круга лиц, чем собственно государев двор. Сказанному не противоречит то обстоятельство, что ДТ перечисляет и имена действительных членов государева двора 1550-х гг., в частности — тысячников. Как уже давно было отмечено в литературе, состав тысячников формировался в основном из дворовых детей боярских. При составлении поездных списков дворовых детей боярских ДТ в качестве источников использовались документы типа позднейших десятен. При этом, как показал В.Д. Назаров, здесь привлекались самые разновременные материалы, некоторые из которых восходят еще к началу 1540-х гг.³⁰ По-видимому, теми же самыми источниками пользовались и составители Тысячной книги, которые отбирали из списков уездных дворян (преимущественно из дворовых) имена “лучших слуг”.

О целях создания ДТ, назначении этого необычного документа можно пока сделать лишь самые общие суждения. В условиях реформ середины XVI в., когда происходила решительная реорганизация состава и структуры государева двора, форм материального обеспечения правящей верхушки, должна была возникнуть потребность в документе, содержащем максимально полные сводные данные о лицах, принадлежавших к верхнему слою служилого сословия и как-то выделявшихся из общей массы городских детей боярских. Таким документом и явилась ДТ.

Примечания

¹ Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь пятидесятих годов XVI века. Подг. к печ. А.А.Зимин. М.;Л., 1950 (далее — ТКДТ). Позднее был обнаружен новый, Музейный список (далее — Муз. сп.) Дворовой тетради (ГИМ. Музейное собрание. №3417; о нем см.: Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного. М., 1960. С.372).

² Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963. С.81; Зимин А.А. Реформы... С.371; Скрынников Р.Г. Россия накануне “Смутного времени”. М., 1981. С.43.

³ Флоря Б.Н. Несколько замечаний о “Дворовой тетради” как историческом источнике//Археографический ежегодник за 1973 г. М., 1974. С.43—57; Назаров В.Д. К источниковедению Дворовой тетради//Россия на путях централизации. М., 1982. С.166—175.

⁴ Зимин А.А. Реформы... С.371—372.

⁵ Зимин А.А. Дворцовых учреждений//Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1984. Вып. XII. С.28—47.

⁶ Флоря Б.Н. Несколько замечаний... С.50.

⁷ Назаров В.Д. К источниковедению... С.167 и сл.

⁸ Так, например, имена дворовых по разделу “Коломна” располагаются в следующем порядке: 1) Н.Р.Юрьев (тысячник 1-й статьи), 2) И.П.Яковлев (1-й статьи), 3) В.П.Яковлев (2-й), 4-5) М.В. и С.В.Яковлевы

(2-й статьи), 6) С.В.Шереметев (1-й статьи), 7) Н.В.Шереметев (1-й), 8) И.В.Меньшой Шереметев (в Тысячной книге не упоминается), 9) Ф.В.Шереметев (2-й статьи), 10) кн. И.М.Хворостинин (1-й), 11) кн. М.М.Хворостинин (2-й), 12-13) кн. Ю.И. и В.И.Токмаковы Ноздроватые (2-й), 14) кн. В.П.Звенигородский (3-й статьи) и т.д.

⁹ Так, в конце списка дворяных по Кашире упомянуты кн. Никита Иванов и кн. Петр Иванов дети Борятинские, хотя в самом начале того же списка значится отец Никиты — кн. И.И.Борятинский (ТКДТ. С.161, 163).

¹⁰ См.: Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584—1605 гг.). СПб., 1992. С.13.

¹¹ Это подтверждает наблюдение Б.Н.Флори о том, что зачисление сына боярского в ДТ по определенной городской группе связано с наличием у него земельных владений (поместий) в том же уезде (Флоря Б.Н. Несколько замечаний... С.45). Характерно, что в большинстве своем (80%) лица, имена которых одновременно значатся в писцовой книге и Дворяной тетради, владели только поместьями. Среди землевладельцев уезда встречаются лица, которые числятся в Дворяной тетради под рубрикой "В Можайску литва дворовая" (Андрей Александров, кн. Семен Коркодинов, Федор и Путята Лоевы, Иван Михалчуков). Мы видим, таким образом, что выходцы из Литвы, переведенные на службу в Можайск, реально наделялись земельными владениями в данном уезде. Около 40 человек, имевших поместья в Можайском уезде, упоминаются в Дворяной тетради по другим уездам. Наличие земельных владений в разных районах страны способствовало легкости перехода дворянских из одних городских корпораций в другие, что неоднократно зафиксировано Дворяной тетрадью. Член можайской служилой корпорации Р.И.Образцов (упоминается в ДТ) действительно имел поместье в Можайском уезде в 1540-х гг. (РГАДА. Ф.1209. Кн.10816. Л.550б.). Это же лицо фигурирует в сохранившемся отрывке из боярского списка 1546 г. как стряпчий (Назаров В.Д. О структуре "государева двора" в середине XVI в. // Общество и государство феодальной России. М., 1975. С.52). Данный факт свидетельствует о том, что в первой половине и середине XVI в. члены государева двора (лица, носившие придворные чины) являлись одновременно и членами определенных уездных дворянских корпораций.

¹² Шапошников Н.В. Heraldica: Исторический сборник. СПб., 1900. Т.1. С.28—44; см. также: Кротов М.Г. Источники реконструкции десяти лет XVI—XVII вв. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1983. С.55—56.

¹³ ТКДТ. С.64, 154, 186. Далее — см. по указателю к ТКДТ.

¹⁴ Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. С.453; Фомин Н.К. Социальный состав землевладельцев Суздальского уезда // Россия на путях централизации. М., 1982. С.94.

¹⁵ РГАДА. Ф.1209. Кн.10815. Л.278, 882.

¹⁶ Там же. Л.1060б.

¹⁷ Там же. Л.1017.

¹⁸ Мы не анализировали здесь состав лиц, записанных под рубрикой "В Можайску же литва дворовая". Не ясны для нас причины появления в конце (после перечня "литвы дворовой") еще одной рубрики "Можаяск" (под ней записаны только два лица — Ф.А.Кулпин Кузминского и Ф.С.Стречнев) — см.: ТКДТ. С.187.

¹⁹ Муз. сп. Л.68.

²⁰ Боярские списки последней четверти XVI — начала XVII вв. и роспись русского войска 1604 г. М., 1979. Ч.1. С.91, 154.

²¹ РГАДА. Ф.1209. Кн.619. Л.981, 1189об., 1202, 1203. О вяземских писцовых книгах см.: Павлов А.П. Государев двор... С.12.

²² Смирнов И.И. Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века. М.;Л., 1958. С.117.

²³ Муз. сп. Л.68.

²⁴ Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С.163.

²⁵ Павлов А.П. Государев двор... С.95.

²⁶ Зимин А.А. Дворовая тетрадь 50-х гг. XVI в. и формирование... С.30.

²⁷ Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1981. Т.II. Ч.1. С.58.

²⁸ Древняя российская вивлиофика. М., 1788. Ч.VI. С.477.

²⁹ Павлов А.П. Государев двор... С.98—99.

³⁰ Назаров В.Д. К источниковедению... С.174.